

UNITED WISDOM

Творение и воплощение: две опоры христианской картины мира

Традиции и картины мира

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W-24-N01 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Творение и воплощение: две опоры христианской картины мира

> *«Без смешения, без изменения».*

Халкидонский собор, 451 год, определение веры, формула о двух природах Христа. Фрагмент английского перевода NPNF; русский перевод цитат в статье — авторов с указанного английского текста.

О чём эта статья

На рождественском изображении есть младенец, люди, животные и тесное пространство. Оно удивительно телесно для религии, которую порой представляют как попытку уйти от материального мира. Этот контраст ведёт к двум христианским утверждениям: мир сотворён Богом, а Сын Божий стал человеком. Они связаны, но не взаимозаменяемы.

Творение касается происхождения и зависимости всего существующего. Воплощение — определённого отношения божественного и человеческого в Иисусе Христе. Рассмотрим творение из ничего, временное начало мира у Фомы Аквинского, аргумент Афанасия о восстановлении творения и халкидонское различение природ и личности. Почему это не гипотеза физического вакуума? Почему участие человека по благодати не делает каждого ещё одним Христом? Современное применение затронет тело, зависимость и достоинство, сохраняя религиозный смысл догматов. Сравнения с цимцумом, речью о Брахмане и явлениями Кришны помогут увидеть, что близкие вопросы не требуют одинаковых ответов. Читателю не нужно соглашаться с верой, чтобы точно понять, какие различия она удерживает.

I. Творение: мир не создаёт собственного основания

В христианском понимании творение означает, что всё, что не есть Бог, получает бытие от Бога. Это больше, чем история изготовления сложного предмета. Ремесленник работает с материалом, который уже существует. Учение о творении из ничего — creatio ex nihilo — отрицает необходимость такого предварительного материала и необходимого истечения мира из божественной сущности. Катехизис, §§290–301.

Слово «ничего» здесь легко вводит в заблуждение. Оно не обозначает особую пустую субстанцию, из которой был сделан мир. Также оно не совпадает с физическим вакуумом, описываемым научной теорией. Вакуум уже имеет определённые свойства и

@andrey.zarinsh @ilkutki

относится к существующему порядку. Богословская формула говорит об отсутствии независимого от Бога материала или источника бытия.

Из этой позиции следует различение Творца и творения. Мир имеет значение и собственную реальность, но не является частью божественного тела. Его зависимость не означает иллюзорности. Это важное напряжение: творение действительно существует, хотя не существует само от себя. Если устранить первый полюс, мир становится призрачным. Если устранить второй, исчезает христианский смысл творения.

Такое понимание отличается и от образа Бога, который запустил механизм, после чего перестал иметь к нему отношение. В классическом богословском языке зависимость бытия не завершается в первом мгновении. Речь идёт об основании существования, а не только о далёком событии. Можно спорить с этой метафизикой, но нельзя опровергнуть её одним описанием того, как определённый процесс происходит внутри мира.

Для читателя полезно разделить вопросы: как возникает конкретное явление и почему существует порядок, в котором оно может возникнуть. Не всякий философ согласится, что второй вопрос требует именно христианского ответа. Однако сами вопросы различаются. Когда их смешивают, богословие ошибочно выглядит либо устаревшей физикой, либо доказанным научным объяснением. Оно не является ни тем ни другим.

II. Начало времени и зависимость бытия

Христианское исповедание творения включает представление о начале мира, но философская разработка этого утверждения не всегда совпадала с попыткой доказать первый момент времени. Фома Аквинский различал зависимость мира от Творца и доказуемость его временного начала. В «Сумме теологии» он относит отсутствие вечности мира к принятому верой и не считает временное начало демонстративно доказанным одним разумом. I, q.46, a.2.

Это различение неожиданно современно звучит, хотя его не следует превращать в предвидение нынешней космологии. Оно показывает, что вопрос о творении уже в средневековой мысли был сложнее простой развилки: либо мир существовал всегда, либо его кто-то создал. Временная длительность и источник бытия — разные аспекты объяснения.

Условный пример помогает почувствовать разницу. Текст на экране зависит от работающего устройства независимо от того, появился он секунду назад или давно. Эта аналогия несовершенна: устройство и текст находятся внутри мира, а богословие обсуждает основание всего существующего. Но она делает различимыми начало и поддержание. Более длинная история предмета сама по себе не отменяет вопроса о его зависимости.

Не стоит поэтому использовать пробелы науки как доказательство конкретного богословского утверждения. Сегодняшняя неизвестность физического механизма не устанавливает имя причины. И не стоит делать обратный ход: найденный механизм не решает автоматически все философские вопросы об основании существования. Научное объяснение следует оценивать по научным основаниям, философский аргумент — по его посылкам и выводам.

У такого разделения есть практическая интеллектуальная польза. Оно позволяет верующему интересоваться исследованием мира без необходимости защищать каждую старую естественно-научную схему как часть догмата. Неверующему оно позволяет критиковать религиозную метафизику точнее, не подменяя её опровергнутой физической гипотезой.

При этом граница не всегда бывает спокойной: конкретные христианские читатели по-разному толкуют библейские повествования и отношение к науке. Статья не объявляет эту внутреннюю историю решённой. Она устанавливает более скромное условие обсуждения: прежде чем спорить об ответе, нужно согласиться, какой именно вопрос рассматривается.

III. Благость мира и трудность зла

Учение о творении не позволяет без оговорок объявить материальный мир злой ошибкой, от которой следует избавиться. В христианских текстах утверждается благость сотворённого и вместе с тем признаются грех, разрушение и смерть. Эти утверждения создают трудность, а не устраняют её.

В католическом катехизисе многообразие творений описывается как имеющее собственное благо, порядок и взаимозависимость. §§337–344. Из такого взгляда нельзя вывести, что любой существующий порядок справедлив. Существование болезни не делает болезнь нравственным идеалом; устойчивость социального устройства не превращает его автоматически в волю Бога.

Разница между благостью бытия и правильностью всего происходящего принципиальна. Если мир благ потому, что сотворён, это не означает, что насилие благостно потому, что происходит в мире. Поступки имеют собственные нравственные характеристики. Иначе учение о творении превращается в универсальное оправдание фактического положения дел.

Афанасий начинает трактат о воплощении с творения и состояния человека. Для него спасение связано с восстановлением творения тем же Словом, через которое оно получило бытие. «О воплощении Слова», §§1–4. Важно видеть направление: спасение не

представлено просто бегством от изначально чуждого Богу материала. Богословский рассказ связывает создание, повреждение и восстановление.

Но этот рассказ нельзя использовать для объяснения каждой конкретной чужой утраты. Признание общей доктрины о падшем мире не даёт человеку знание, почему именно заболел его сосед. Вера может быть основанием надежды, однако не делает говорящего специалистом по скрытой причине каждого страдания.

Трудность зла остаётся настоящей. Если благой Бог творит мир, как понимать его разрушительность? Христианские ответы развиваются в разных направлениях — свобода, повреждение творения, искупление, надежда на окончательное восстановление. Здесь невозможно исчерпать спор. Достаточно не выдавать название доктрины за готовый ответ каждому страдающему человеку. Иногда самое верное следствие веры в достоинство творения — помочь телу и жизни, которые сейчас уязвимы.

IV. Воплощение не является новым названием творения

Воплощение — утверждение, что Сын Божий принял человеческую природу. Оно касается Иисуса Христа и не означает, что все люди обладают божественной природой в том же смысле. В католическом изложении специально отвергается представление о Христе как частично Боге, частично человеке или смешении двух начал. Катехизис, §§456–465.

Богословское «стал человеком» не означает, что Сын перестал быть Богом и превратился в другое существо. Оно также не означает, что человек был только видимостью, пригодной для обращения к зрителям. В центре находится реальность человеческой жизни — тела, разумной души, истории — и сохранение божественного.

Воплощение связано с творением, потому что принимается человеческая природа, которая относится к сотворённому миру. Но связь не отменяет различия. Создать человека и стать человеком — неодинаковые действия. Отношение Творца ко всему существующему не тождественно ипостасному соединению во Христе.

Если заменить эту конкретность универсальной фразой «божественное присутствует во всём», появляется иная, гораздо более широкая идея. Она может иметь собственный философский интерес, но не передаёт полного смысла христианского догмата. Из христианского утверждения об особом событии нельзя без аргумента перейти к тезису, что всякий человек уже есть воплощённый Бог.

Равным образом воплощение не следует сводить к примеру духовной смелости: будто Иисус показывает, как каждому воплотить свой талант. Современная метафора слова

«воплотить» допустима в обычной речи, однако её предмет другой. Догмат говорит о спасении, отношении Бога и человека и личности Христа, а не о реализации творческого проекта.

Для понимания здесь полезно сохранять странность исходного утверждения. Оно не обязано сразу стать удобным. Христианство предлагает не только нравственные идеи, с которыми легко согласиться, но и определённые утверждения веры. Честное исследование позволяет читателю встретиться именно с ними, не заменяя их заранее приемлемым языком самопомощи.

V. Две природы и одна личность

Халкидонское определение 451 года удерживает одну и ту же личность Христа и две природы — божественную и человеческую. Его ограничивающие формулы защищают одновременно различие и соединение. Нельзя смешать природы так, что человеческое или божественное перестанет быть собой; нельзя разделить так, что вместо одного Христа окажутся два независимых субъекта. Документы Халкидонского собора.

Слово «природа» здесь отвечает на вопрос, что присуще божественному и человеческому. «Личность», или в этом контексте «ипостась», относится к тому, кто существует и действует. Это техническая богословская речь. Её не следует прямо переносить на современное описание индивидуальности, характера или психологических частей человека.

Отсюда возникает распространённое недоразумение: две природы принимаются за раздвоение личности. Но определение как раз исключает двух отдельных Христов. Другое недоразумение — образ смеси: будто божественное и человеческое образуют промежуточное третье вещество. Тогда Христос не был бы полностью человеком и полностью Богом в заявленном смысле.

Православное учебное изложение Томаса Хопко подчёркивает сохранение человеческого и божественного при их единстве во Христе. The Orthodox Faith: Incarnation. Это не доказательство догмата для любого читателя, а пояснение того, какое содержание исповедует определённая традиция.

Не все древние христианские церкви приняли Халкидон. Историю разногласий нельзя свести к тому, что одна сторона защищала истинное человечество, а другая сознательно от него отказалась. Формулы, опасения и полемический контекст различались. Здесь рассматривается халкидонская линия, разделяемая православными, католиками и многими протестантскими церквями, а не окончательная карта всех христологических споров.

Читателю полезно заметить, зачем вообще нужны сложные формулы. Иногда они выглядят искусственной словесной головоломкой. Но их задача — препятствовать простым объяснениям, которые сохраняют одну сторону ценой другой. Язык создаётся для удержания напряжения. Его трудность отражает трудность утверждения, а не обязательно желание сделать веру недоступной обычному человеку.

VI. Личность Христа и различение Троицы

В этом месте слово «личность» тоже требует осторожности. Современный читатель часто слышит в нём индивидуальный характер, набор воспоминаний или чувство собственной неповторимости. Догматический вопрос устроен иначе: кто является субъектом божественной и человеческой жизни Христа? Поэтому перечисление качеств Иисуса ещё не решает вопроса о единстве. Можно описать силу, сострадание, знание и усталость, но останется неясно, кому принадлежат эти действия и состояния. Формула об одном Христе удерживает именно этого единого субъекта.

Отсюда видно, почему воплощение нельзя объяснить как периодическое появление в Иисусе божественного импульса. Тогда человеческая жизнь стала бы лишь внешней оболочкой события, действительный субъект которого находился бы где-то отдельно. Нельзя решить вопрос и сложением двух самостоятельных действующих лиц, одно из которых иногда помогает другому. Такое сложение оставляет рядом Бога и человека, но не объясняет утверждение о Боге, действительно ставшем человеком. Халкидонская формула одновременно сопротивляется растворению человечества и раскалыванию единого Христа.

Следует также различать этот вопрос и учение о Троице. Воплощается Сын; христианская формула не утверждает, что Отец, Сын и Дух становятся тремя людьми или что вся Троица составляет одну человеческую личность. Общие слова «единство» и «различие» не делают два догмата взаимозаменяемыми. В одном случае обсуждают единство божественной природы и различие Отца, Сына и Духа; в другом — единого Христа и полноту божественной и человеческой природ. Эта точность кажется сложной лишь до тех пор, пока мы не замечаем, какие подмены она предотвращает.

VII. Образ Божий, благодать и обожение

Утверждение, что человек сотворён по образу Божию, не означает, что его природа тождественна божественной. Утверждение об обожении — участии в божественной жизни по благодати — также не равнозначно воплощению Сына. Различие между природой и даром защищает смысл каждого понятия.

В православном духовном изложении человека призывают уподобляться Богу посредством благодати. Здесь речь об участии и преобразовании, а не о превращении каждого человека в источник божественного бытия. The Orthodox Faith: God. Формулы обожения существуют и за пределами православия; их конкретная разработка и акценты могут различаться.

Это различение важно, поскольку возвышенные слова часто начинают выполнять психологическую работу. Человек читает о божественном достоинстве и делает вывод: его непосредственное желание имеет высший авторитет. Но достоинство не превращает любое желание в откровение. Участие в божественной жизни в христианском контексте связано с благодатью, любовью и изменением жизни, а не с безошибочностью самоощущения.

Есть и обратная опасность. Слова о сотворённости и зависимости могут превратиться в унижение: раз человек не самодостаточен, значит, его воля ничего не стоит. Однако зависимость существования и человеческое достоинство в христианской картине не исключают друг друга. Учение о даре не устанавливает право другого человека распоряжаться получателем дара.

Условный пример: кто-то говорит близкому, что ради духовного роста тот должен отказаться от собственных границ. Здесь требуется уточнить, кто определяет рост и какие последствия несёт требование. Ссылка на обожение не отвечает на эти вопросы. Богословский смысл участия не даёт собеседнику права объявлять любое своё желание божественным поручением.

Современное уважительное чтение сохраняет три разных отношения: человек создан; человек может быть приобщён по благодати; Сын воплотился. Они связаны общей христианской историей, но не сливаются. Чем сильнее звучат формулы, тем важнее различение. Оно позволяет говорить о возвышении человека без присвоения ему абсолютной власти.

VIII. Телесность: принятие не равно романтизации боли

Реальность воплощения противостоит представлению, будто тело — случайная оболочка, которую духовная жизнь может презирать. Однако из этого не следует, что любую телесную боль нужно идеализировать или отказ от помощи считать знаком веры.

Христианская история содержит аскезу, пост, заботу о больных, дисциплину и множество способов отношения к страданию. У этих практик неодинаковые цели и условия. Аскетическое ограничение по свободному выбору не тождественно насильственному лишению другого человека еды или отдыха. Духовное значение,

которое участник придаёт своей боли, не устанавливает значение чужой боли без его участия.

Для рассуждения о теле полезно различать признание уязвимости и её намеренное усиление. Человек не становится менее достойным из-за усталости, возраста или болезни. Это возможное этическое следствие уважения к человеческому, но оно не разрешает говорить больному, что болезнь была необходима для его духовного урока.

Условная сцена: участник общины сообщает, что больше не может выполнять прежнюю нагрузку. Если ему отвечают, что тело нужно победить, разговор может потерять реальные обстоятельства. Если спрашивают о состоянии, возможной помощи и изменении обязанностей, телесность получает практическое уважение. Богословие не заменяет нужной медицинской информации и не даёт основания игнорировать её.

Воплощение также удерживает значение конкретности. Человек живёт не только в абстрактном «человечестве»: у него есть время, место, отношения и пределы. Помощь становится реальной в том же пространстве. Уважать воплощённую жизнь означает замечать, что предложение может быть посильным одному и непосильным другому.

Но не следует объявлять это окончательным смыслом догмата. Христианское утверждение о Христе выходит за рамки современной этики заботы. Мы извлекаем ограниченное следствие для чтения и отношений, а не заменяем веру нравственным комфортом. Сохранение этого предела позволяет и применять мысль, и не присваивать себе всё содержание традиции.

IX. Что происходит, когда догмат превращают в метафору

Метафора помогает приблизить трудную мысль. Она становится опасной, если незаметно занимает место исходного утверждения. Слово «творение» может начать означать любой новый проект, «воплощение» — выражение идеи в действии, «спасение» — улучшение самочувствия. В обычной речи это допустимые переносы, но они не одинаковы с богословским содержанием.

Например, человек говорит: «Мне важно воплотить свои ценности». Он имеет в виду соответствие убеждения и поступка. Христианский догмат о воплощении не является всего лишь необычным способом произнести эту мысль. В нём утверждается, кто такой Христос и какое отношение к человеческому имеет Сын Божий. Изъятие этого содержания оставляет удачную фразу, но меняет предмет.

Так же обстоит дело с творением. Умение создавать вещи из имеющихся ресурсов может быть важным для человека. Однако оно не делает его творцом из ничего в

богословском смысле. Приписать себе такую способность — значит забыть материал, язык, обучение, труд других и условия, благодаря которым действие стало возможно.

Есть продуктивный способ пользоваться переносом: сначала восстановить исходный смысл, затем явно назвать новое применение. «Это напоминает мне такую-то человеческую проблему» оставляет традиции её содержание. «На самом деле догмат всегда означал только это» подменяет исследование удобным присвоением.

Различие особенно важно при сопоставлении религий. Одно слово «воплощение» может обозначать разные учения в разных традициях. Чтобы сравнивать их, нужно рассматривать представление о божественном, личности, природе и истории. Повторение общего термина не доказывает, что под ним находится одна и та же мысль.

Для читателя здесь есть хорошая возможность: современная значимость не требует полной тождественности. Старое учение может затронуть нынешнюю жизнь именно потому, что заставляет увидеть непривычное различие. Если всё заранее переводится на знакомый язык, встреча с традицией не происходит. Мы лишь слышим собственные идеи, произнесённые более торжественно.

Допустим, два человека вместе помогают соседу и обсуждают, почему считают такую помощь важной. Один связывает её с достоинством сотворённого человека, другой — с принятым обязательством заботиться о людях. Они согласны в поступке, но из этого ещё не следует согласие о Творце или воплощении. Затем первый говорит, что помощь напоминает ему о значении телесной жизни во Христе. Здесь уже можно уточнить два разных вопроса: что утверждает догмат и какой вывод собеседник применяет к соседу. Второй способен признать вывод убедительным, оставаясь несогласным с его религиозным основанием. А первый может назвать своё основание, не объявляя общей заботы скрытым принятием его веры. Такой разговор позволяет сохранить и сотрудничество, и действительное расхождение. Если же оба заранее называют помощь «подлинным смыслом воплощения», догмат незаметно исчезает из обсуждения: общее действие начинают принимать за подтверждение учения, которого один из участников вовсе не исповедует. После разговора можно записать отдельно общий поступок и две его мотивировки: такая запись покажет, в чём удалось согласиться, а что осталось различным.

X. Мир, который не надо обесценивать ради Бога

Творение и воплощение соединяют зависимость и достоинство, различие и близость. Мир не является Богом, но его существование не представлено случайной помехой духовности. Христос не является просто особенно успешным человеком, но его человечество не превращено в видимость. Эти утверждения сохраняются вместе, поскольку устранение одного меняет всю картину.

Отсюда не получается короткая техника счастливой жизни. Получается требование внимательнее мыслить. Не путать физическое объяснение с метафизическим. Не оправдывать зло благостью творения. Не смешивать участие по благодати с божественной природой. Не выводить из уважения к телесности обязанность терпеть любой вред.

Христианский ответ может остаться для читателя неприемлемым или открытым. Понимание не требует притворного согласия. Но содержательное несогласие лучше строить с тем учением, которое действительно существует, а не с его превращением в мистический лозунг о всеобщем единстве.

В образе младенца среди людей и животных сходятся две линии: мир имеет значение, а божественное отношение к человеческому заявлено в конкретной истории. Увидеть этот смысл — значит перестать искать духовную глубину исключительно в удалении от жизни. Иногда вопрос о высшем приводит к самому обыкновенному: умеем ли мы замечать тело, человека и зависимость, которые уже находятся перед нами.

Что это значит на практике

Практическая работа с этими понятиями начинается с различения видов вопросов. Если вы обсуждаете происхождение жизни, уточните, идёт ли речь о биологическом механизме, метафизическом основании или религиозном смысле. Можно говорить обо всех трёх, но не следует выдавать ответ одного уровня за ответ остальных.

При чтении христианского текста составьте короткую карту: что относится ко всему творению, что к человеку, что ко Христу и что к участию по благодати. Такая карта защищает от эффектных смешений. Если встречается фраза о становлении человека богом, нужно проверить, говорится ли о природе, благодати, подобии или особом христологическом утверждении. Контекст обычно важнее эмоционального звучания.

Затем рассмотрите одно обычное отношение. В условном примере родитель воспринимает ребёнка главным образом как продолжение собственного замысла. Различение дара и собственности может помочь заметить, что происхождение отношения не создаёт полного права на чужую жизнь. Это современное этическое

применение, а не доказательство, будто учение о творении само по себе решает все вопросы воспитания.

Другой пример касается собственной зависимости. Человек стыдится помощи, потому что считает достоинство равным самостоятельности. Мысль о полученном бытии позволяет обсуждать достоинство иначе: способность принять поддержку не обязательно унижает. При этом решение о конкретной помощи требует проверки её условий, последствий и возможности отказа. Дар, который используется для контроля, нуждается в другой оценке.

Наконец, выберите телесно и социально конкретное действие: сократить непосильную нагрузку, уточнить согласие, помочь с обычной потребностью, назвать существующую границу. Оно не подтверждает истинность догмата. Оно позволяет увидеть, какого отношения к человеку требует ваш нынешний способ понимания.

Не нужно превращать такую работу в обязательную религиозную программу. Верующий может продолжить её в церковной жизни; неверующий — в философском обсуждении. В обоих случаях полезно сохранить точность: приложение мысли к жизненному эпизоду и принятие всей картины мира остаются разными шагами.

Ключевая цитата

> *«Он стал человеком, чтобы мы стали богами».*

Афанасий Александрийский, «О воплощении Слова», 54.3, старый английский перевод NPNF; русский перевод авторов статьи. Сильную формулу следует читать в связи с восстановлением и бессмертием, а также с различением благодатного участия и божественной природы. Она не объявляет каждого человека отдельным воплощением Сына.

Связи между традициями

Ниже — наши аналитические сопоставления. Они показывают сходство вопроса и границу ответа; сами по себе не устанавливают исторического влияния.

Вопрос	Позиции и опоры	Реальное сходство	Граница сравнения
Творение и начало времени	Фома, I q46 a2 и Катехизис, §§290–301	Зависимость мира от Творца не сводится к описанию первого физического события.	У Фомы временное начало принимается верой; это не доказанная им космология и не отмена церковного исповедания.
Воплощение и участие	Афанасий, 54.3 и Халкидонское определение	Божественное отношение к человеческому не требует уничтожить человечество.	Одна личность Христа и обожение людей — разные отношения; участие по благодати не новая ипостасная инкарнация.
Бог и мир без телесной схемы	Катехизис, §§290–301 и Шнеур-Залман, Танья, глава 7	Оба текста не позволяют представить Бога удаляющимся телом.	Небуквальный цимцум использует особую каббалистическую речь; он не тождествен католическому изложению creatio ex nihilo.
Явление божественного	Халкидонское определение и Гита, IV.5–8	В обеих религиозных речах божественное отношение к людям получает конкретное выражение.	Многократные явления Кришны при упадке дхармы и единство двух природ во Христе не одно учение; санскритская аватара не переводится без остатка словом «воплощение».
Речь об основании	Фома, I q46 a2 и Брихадараньяка, II.3.1–6	Наше сравнение спрашивает, достаточно ли привычных категорий для речи об основании существующего.	Две формы Брахмана и отрицательное наставление не формула творения из ничего. Этот фрагмент не позволяет приписать единую космологию всем направлениям индуизма.

Первоисточники

• Катехизис Католической церкви. The Creator, §§279–324: творение из ничего, свобода творения и поддержание бытия.

• Фома Аквинский. Summa Theologiae I, q.46, a.2: временное начало мира и предел демонстративного доказательства.

• Катехизис. Heaven and Earth, §§325–354: собственное благо и взаимозависимость творений.

• Афанасий Александрийский. On the Incarnation of the Word, §§1–4: связь творения и восстановления через Слово.

• Катехизис. The Son of God Became Man, §§456–483: принятие человеческой природы и различение божественного и человеческого.

• Council of Chalcedon, 451, определение веры: одна личность Христа и две природы.

• Thomas Hopko. The Orthodox Faith: Incarnation, Orthodox Church in America: православное изложение халкидонского учения.

• Thomas Hopko. The Orthodox Faith: God: уподобление Богу по благодати.

• Шнеур-Залман из Ляд. «Танья», Shaar Hayichud Vehaemunah, глава 7, с комментарием Chabad: Небуквальное понимание цимцума и невозможность приписать Богу телесное перемещение.

• «Бхагавадгита», главы II–IV, перевод Edwin Arnold, The Song Celestial, издание 1900: Карма-йога и явления Кришны; сравнения не уравнивают аватару и халкидонскую христологию.

• «Брихадараньяка-упанишада», II.3.1–6, перевод F. Max Müller, SBE XV: Отрицательное наставление в собственной речи о Брахмане; не доказательство тождества с христианством.

Теги

творение, воплощение, христианство, creatio ex nihilo, Творец, творение из ничего, Афанасий Александрийский, Фома Аквинский, Халкидонский собор, Христос, Сын Божий, Слово, Троица, природа, ипостась, личность, две природы, образ Божий, благодать, обожение, телесность, достоинство, зависимость, зло, время, метафизика, космология, цимцум, аватара, сравнительное богословие

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.